

“С

лово о полку Игореве» — уникальное поэтическое произведение древнерусской литературы второй половины XII века.

Подобного творения не было в других землях и странах, что свидетельствует о высочайшем культурном уровне Древней Руси. С него начинается великая русская литература, имевшая к тому времени уже двухсотлетнюю историю.

Сюжетом поэмы послужил злосчастный поход на половцев князя Новгород-Северского Игоря Святославича в апреле-мае 1185 года. Игоревы воины потерпели сокрушительное поражение, а сам он попал в плен. Но содержанием «Слова» является не только собственно этот исторический военный поход, хорошо известный и по летописям, но то, как крепится человеческая душа и Русская земля в христианской вере. Это поэма о том, как погибает в безверии и как спасается в вере человек.

Более чем на шесть веков утраченное, сохранившееся в единственном экземпляре «Слово» было найдено страстным собирателем культурных ценностей А.И. Мусиным-Пушкиным и впервые издано в 1800 году. Вот уже более двух веков оно изучается историками, писателями, учеными разных направлений. Ни один памятник письменности не изучался и не изучается столь активно, основательно и всесторонне, как «Слово о полку Игореве». Ни об одном произведе-

нии русской литературы не написано столько исследований, монографий, книг, статей — как о нем. В «Слове» содержится код русской жизни, нашей народной и государственной судьбы.

Несмотря на определенные успехи в изучении древнерусской литературы в советский период, понимание «Слова» свелось, по сути, к истории самого похода, реально-бытовой стороне памятника. Это несоизмеримо с тем, что в нем действительно воплощено. Да и понятно: постичь глубоко христианское творение духа с помощью материалистических установок и атеистических убеждений невозможно. Ведь историческая основа древнерусской поэмы обстоятельно изложена в летописях — в Лаврентьевской и Ипатьевской.

Теперь предстоит новое прочтение «Слова», прочтение именно как величайшего памятника художественной мысли, как проявления человеческого духа огромной мощи, а не пособия по истории или дополнения к ней. По всем приметам период изучения «Слова», который можно условно назвать социальным или историческим, завершился. Об этом в определенной мере свидетельствует издание «Словаря-справочника “Слова о полку Игореве”» в шести выпусках (сост. В.Л. Виноградова, Л., «Наука», 1964–1986). А также — пятитомной «Энциклопедии “Слова о полку Игореве”», подготовленной Институтом русской литературы (Пуш-

Пётр ТКАЧЕНКО

Поиски Тмугтаракани

По «мысленному древу»:
от «Слова о полку Игореве»
до наших дней

кинским Домом) РАН. Это издание, как сказано в аннотации, — «подводящее итог двухвекового изучения и художественного освоения "Слова о полку Игореве"» (СПб., 1995).

Смею утверждать, что как памятник духовный, как творение художественное «Слово о полку Игореве» и по сей день остается во многом непрочитанным и непонятым. И это объясняется не какими-то досадными недоразумениями или недосмотром, не ленью или нелюбопытством исследователей и читателей, но, скажем так, специфическим, вульгарно-социологическим пониманием литературы и духовной природы человека. Толкование «Слова» остается как бы в стороне от основных духовно-религиозных и мировоззренческих проблем, постоянно сотрясавших и сотрясающих Русь и Россию. У человека ведь нет более значительного события в его жизни, чем потеря им веры или обретение ее. Все остальное, что ни случается с ним в его земном бытии, определяется этим. Войны, революции и смуты — не причины, а уже следствия духовной пространицы человека, неизбежные следствия скопившегося в душе зла. А «Слово» повествует именно об этом.

Настало время прочитать «Слово» сквозь призму духовно-мировоззренческих пред-

ставлений, то есть через то мысленное древо, которое вослед за Бояном выстраивал автор древнерусской поэмы.

Такое прочтение «Слова» уже давно предпринимает литературный критик, публицист и прозаик Петр Ткаченко. Его новая работа — литературно-критическая повесть «Поиски Тмугтаракани. По "мысленному древу": от "Слова о полку Игореве" до наших дней»¹ — более полно обнажает христианскую основу древнерусской поэмы. И станет, без всякого сомнения, большой новостью как для внимательных, благонамеренных читателей, так и для специалистов по древнерусской литературе. Впрочем — для всех, кому дорога великая русская литература.

Так складывалась наша народная и государственная судьба, что литература толковалась зачастую или с точки зрения «передовых» революционных учений, или — господствующей идеологии. До такой степени, что история литературы оказалась, по сути, подменной историей революционного, «освободительного» движения в собственной стране. А потому нашей главнейшей задачей должно стать новое прочтение вершинных творений классики для возобновления в ней энергии, необходимой для нынешней жизни. И прежде всего — «Слова о полку Игореве». Новое прочтение «Слова» через христианское понимание мира находится в общем русле поиска духовного смысла нашей истории и жизни в столь невнятное время.

Без выявления христианской основы «Слова» невозможно его постижение. Этого не поняли даже первые издатели поэмы, уже зараженные просветительскими идеями. Из современников первых издателей, пожалуй, только К.Ф. Калайдович увидел в поэме библейскую основу. В последующем в 1930-е годы это отстаивал В.Н. Перетц. Но в силу известных причин все пошло по позитивистскому, материалистическому пути. В наше время, пожалуй, только вдумчивый поэт и мыслитель Геннадий Карпунин, глав-

¹ Петр Ткаченко. Поиски Тмугтаракани. По «мысленному древу»: от «Слова о полку Игореве» до наших дней. Литературно-критическая повесть. — М.: Издательский дом «Звонница-МГ», 2021.

ный редактор «Сибирских огней», всерьез прочитывал «Слово» в контексте христианского символизма (Г. Карпунин. По мысленному древу. — Новосибирск, Новосибирское книжное изд-во, 1989).

Но теперь наметилась другая крайность — свести толкование «Слова» к церковной догматике. Найти переключки «Слова» со Священным Писанием — это полдела. Надо ответить на вопрос о том, какое значение они приобретают в самом тексте древнерусской поэмы. Иначе подобные исследования грозят бесповоротно загнать изучение «Слова» в область религиозного (снова лет эдак на двести), что ничем не лучше позитивистского толкования...

Христианское прочтение «Слова» уже давно должно было появиться. Вот самые очевидные факты. К примеру, исследователи упорно выискивают «языческую» основу «Слова», которой там нет. Выискивают для того, чтобы не говорить о христианстве поэмы. В поэме нет упоминаний ни об одном языческом боге. Есть опосредованное — с добавлением *внуце*: Стрибоживнуце и т.д. Хръст — это вовсе не языческий бог солнца, который здесь ни к чему, а титулованное написание Христа, которому «прерывскивал» путь (то есть дерзал на Него) «обесившийся» Всеслав. На реке Каяле тьма свет прикрыла «в Гдень» — в Господень, в Судный день, а не в третий. «Г» — это титулованное написание имени Господа.

Какой же Боян, предшественник автора «Слова», язычник, если он, «смысленый», увещевал «обесившегося» Всеслава: «Ни хытру, ни горазду... суда Божия не минути». Язычники к Суду Божьему не взывают. В толкованиях «Слова» это совершенно понятное место остается темным. Но чтобы не истолковать его, надо было не понять фразы «обесия сине мгле», значит — обесившийся синей мглой или в синей мгле. Это — именно обесившийся, ставший сторонником беса. Тем более что «синяя мгла» во всей русской поэзии является признаком потусторонности.

Надо же было наконец ответить на вопрос, почему в «Слове» поминается *дань хазарская* — «по беле от двора», то есть по девице, по женщине от двора, а вовсе не по беличьей шкурке. Причем эта дань ставится в вину князю Игорю, в то время как Хазарскую империю князь Святослав разгромил к тому времени более двух веков назад, в 965 году...

Тмутаракань в «Слове» занимает центральное место. И является вовсе не географическим понятием, но исключительно духовным. Уже хотя бы потому, что она не была истинной целью военного похода князя Игоря и даже не упоминается в летописях. «До кур Тмутараканя» — означает до кумиров, до библейских кумиров, то есть неживых богов. Кур — это титулованное, сокращенное слово кумиров. Об этом прямо говорится в «Слове», что Тмутаракань — это место *болвана*. Ветхозаветного, вавилонского истукана. Кур и болван являются тут синонимами.

Словом, в новой книге Петра Ткаченко «Поиски Тмутаракани» предпринято новое прочтение древнерусской поэмы. Не очередное, каких и теперь немало. Не одно из них, предпринимаемое в том же позитивистском русле, а именно новое. Это мог, видимо, сделать и какой-то иной исследователь. Но выбор пал на автора, всю жизнь занимающегося «Словом о полку Игореве», уже выпускавшего к двухсотлетию первого издания «Слова» книгу о его христианском прочтении «В поисках града Тмутаракани» (М., Издательство Московского государственного университета, 2000).

Литературно-критическая повесть Петра Ткаченко «Поиски Тмутаракани», несомненно, открывает новый этап в постижении «Слова о полку Игореве», который можно назвать по историческим или просто — духовным. Как и должно прочитывать творение духа.

Книга украшена рисунками талантливого художника Сергея Рубцова.

